

Наталья Зими́на

БЕРЁЗОВАЯ БУХТА

Наталья Зимина

БЕРЁЗОВАЯ БУХТА

<https://litres.ru/73989988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала рисовать портрет. А оказалась в центре войны за многомиллиардное наследство.

Вера Колмогорская — простая художница из Подмосковья. Арсений Шаховской — наследник старинного поместья на берегу Финского залива. Их ничего не связывает, кроме одного: Вера как две капли воды похожа на его мать, которая исчезла при загадочных обстоятельствах двадцать лет назад.

В первую же ночь в неё стреляют. На следующий день пропадает дневник с тайной её рождения. А потом выясняется, что мёртвые вовсе не мертвы — они просто ждали своего часа.

Любовь. Ненависть. Мечь. И правда, которая разрушит всё, во что она верила.

Добро пожаловать в Берёзовую Бухту. Здесь не умирают. Здесь просто делают вид.

Наталья Зими́на

БЕРЁЗОВАЯ БУХТА

ПРИЕЗД ХУДОЖНИЦЫ

«Говорят, в Берёзовой Бухте время течёт иначе. Кто-то называет это проклятием. Кто-то — благословением. А старики просто плюют через левое плечо и молчат. Потому что те, кто знал правду, давно мертвы. Или делают вид, что мертвы. Что в этих краях почти одно и то же».

Глава 1. Та, кого не ждали

Тёплый августовский вечер опускался на Финский залив. Солнце застревало в сосновых кронах, разливая по воде расплавленное золото. Чайки орали так, будто им недоплатили. У причала покачивались белые яхты, похожие на надменных лебедей.

Вера Колмогорская стояла на перроне и чувствовала себя самозванкой.

— Девушка, выходить будете? — спросил проводник, глядя на её единственную сумку — старый чемодан на колёсиках, один из которых давно отвалился.

— Да, — выдохнула Вера. — Я здесь.

Она спрыгнула на платформу и огляделась. Станция «Берёзовая Бухта» оказалась крошечной: деревянное здание

вокзала, покосившаяся вывеска, куст сирени и две скамейки. На одной сидела бабка с котом. На другой — молодой человек в дорогом льняном костюме, который смотрел в телефон и явно ждал кого-то другого.

Вера поправила выбившуюся прядь русых волос. Она приехала по объявлению: «Требуется художник для семейного портрета. Оплата высокая. Жильё предоставляется». Объявление прислал по электронной почте некий Арсений Шаховской. Предложение было настолько щедрым, что Вера подумала: розыгрыш. Но денег на счету оставалось на две недели жизни, а бабушке нужны были лекарства.

И вот она здесь.

— Вера? — молодой человек оторвался от телефона и поднял брови. У него были тёмные волосы, чуть тронутые солью на висках, и глаза цвета мятого золота. — Арсений Шаховской. Прыгайте в машину.

— Здравствуйте, — Вера протянула руку. Он не пожал — просто кивнул в сторону припаркованного «Мерседеса» цвета мокрого асфальта.

— У нас мало времени, — сказал Арсений, когда машина мягко тронулась. — Завтра семейный совет. Мне нужен портрет матери к завтрашнему вечеру.

— Я обычно пишу портреты неделями, — осторожно заметила Вера.

— А вы напишите быстрее. Я заплачу вдвое.

Она хотела возразить, но передумала. Лекарства бабушки

стоили бешеных денег.

Машина выехала на прибрежное шоссе. С одной стороны тянулись тёмные сосны, с другой — открылось море. Серое, тяжёлое, с белыми барашками на гребнях волн.

— Красиво, — тихо сказала Вера.

Арсений покосился на неё:

— Это смотря с чем сравнивать. Те, кто здесь вырос, красоты не замечают. Только проблемы.

— А вы здесь выросли?

— Я здесь родился. Потом уехал. Потом вернулся. Как бу- меранг, — он усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Держитесь, сейчас будет поворот, за которым начинается самое интересное.

Они свернули на узкую дорогу, обсаженную вековыми берёзами. Белые стволы мелькали как призраки. В конце аллеи показались кованые ворота. За ними — усадьба. Не современный особняк, а старинный дом с колоннами, с башенками, с лепниной, которая осыпалась, но оттого казалась ещё более величественной.

— Дом Шаховских, — Арсений заглушил двигатель. — Построен в 1823 году. Сгорел в 1996-м. Восстановлен в 2010-м. Но до сих пор пахнет гарью, если принюхаться. Хотя это, наверное, у меня в голове.

Он выключил зажигание и повернулся к Вере. Вблизи его глаза оказались не просто золотистыми — в них плескалась какая-то старая, застарелая усталость.

— Послушайте, — сказал Арсений. — Я не буду врать. Я привёз вас сюда не только рисовать. Вы похожи на мою мать. Очень. Когда я увидел ваше фото в портфолио, у меня сердце остановилось. Наши люди уже проверили вас. Биография чистая, как слеза младенца. Но в этом доме никто ничему не верит. Завтра вы встретитесь с моей сестрой Марфой, с дядей Захаром и его женой Полиной. Они будут задавать вопросы. Не отвечайте. Просто рисуйте.

— Что вы имеете в виду под «похожа»? — Вера почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Арсений протянул ей старую фотографию. Чёрно-белая, с рваным краем. Молодая женщина с высокими скулами, с лёгкой улыбкой и большими глазами смотрела прямо в объектив. Те же русые волосы. Та же ямочка на подбородке. Та же странная полугрустная полузагадочная улыбка.

— Мария Шаховская, — тихо сказал Арсений. — Моя мать. Исчезла в ночь пожара 96-го. Тело не нашли. Никто не знает, жива она или мертва. Но каждый год, в день её исчезновения, в доме сами собой загораются свечи. И я слышу, как кто-то играет на рояле в пустой гостиной.

Он нажал на сигнал. Ворота медленно поползли в стороны.

— Добро пожаловать в Берёзовую Бухту, Вера. Надеюсь, вы не боитесь призраков.

Вера посмотрела на фотографию. Посмотрела на своё отражение в тёмном стекле машины.

И впервые в жизни подумала: «А вдруг я и есть призрак?»

За воротами, на крыльце особняка, стояла женщина в белом. Высокая, с идеальной осанкой, с гладко зачёсанными седыми волосами. Она не улыбалась.

— А это Эмма, — сказал Арсений. — Наша экономка. Знает все секреты этого дома. Если она вам улыбнётся — значит, либо вы ей снитесь, либо она собралась вас отравить. Не обижайтесь. Она всех ненавидит. Даже меня. Особенно меня.

Эмма посмотрела на Веру долгим взглядом и произнесла всего одну фразу:

— Наконец-то.

И ушла в дом, не объяснив, что значит это «наконец-то».

Вера взяла свой старый чемодан, поправила съехавший с плеча рюкзак и сделала шаг к двери.

Сзади тихо зажужжал телефон. Она достала его — сообщение от неизвестного номера:

«Уезжай, пока можешь. В этом доме счастья нет. Только тени. И одна из них — ты».

Вера оглянулась. Никого. Только сосны шумели и море дышало, как огромный спящий зверь.

Она удалила сообщение. И вошла.

Глава 2. Тени прошлого

Первую ночь в Берёзовой Бухте Вера почти не спала.

Комната, которую ей выделили, была в восточном крыле

особняка — большая, с высокими потолками и огромным окном, выходящим на море. Шторы из тяжёлого бархата пахли нафталином и чем-то сладковатым, неуловимым. На туалетном столике стоял фарфоровый кувшин с засохшими розами. Вера отодвинула его подальше — ей показалось, что цветы шевелятся.

Она лежала на кровати с резными ножками, смотрела в потолок, где трещины складывались в причудливые узоры, и прокручивала в голове события этого дня.

Арсений. Его странные слова. Фотография женщины, которая была как две капли воды похожа на неё саму.

«Вы похожи на мою мать».

Вера закрыла глаза и попыталась вспомнить свою мать. Не получалось. Бабушка говорила, что мама умерла, когда Вере было три года — от рака. Фотографий не осталось — сгорели в пожаре. Вера верила. А что ей оставалось?

Часы в коридоре пробили полночь. И тогда она услышала это.

Звук шёл откуда-то снизу. Тихий, едва уловимый, но отчётливый — клавиши рояля. Кто-то играл одну и ту же мелодию: несколько нот, пауза, снова несколько нот. Словно репетировал или вспоминал.

Вера села на кровати. Сердце колотилось где-то в горле.

«Каждый год, в день её исчезновения, в доме сами собой загораются свечи. И я слышу, как кто-то играет на рояле».

Она накинула халат и вышла в коридор.

Дом в ночи был страшным. Тени от люстр падали на стены, превращаясь в длиннопалые руки. Половицы поскрипывали под босыми ступнями. Вера шла на звук, спустилась по лестнице, миновала портретную галерею, где чьи-то масляные глаза следили за ней с полотен.

Рояль стоял в малой гостиной. Вера толкнула дверь...
...и замерла.

Клавиши были подняты. На крышке инструмента горела одна-единственная свеча в серебряном подсвечнике. Но рядом никого не было.

Вера шагнула ближе. Пальцы сами потянулись к клавишам. Она не умела играть — никогда не училась. Но когда её рука коснулась белого слона, рояль тихо запел. Те самые ноты. Те же, что она слышала из своей комнаты.

— Кто здесь? — спросила Вера в пустоту.

Никто не ответил. Зато она заметила бумажку, лежащую на пюпитре. Листок из старого блокнота, пожелтевший по краям. На нём было написано одно слово, выведенное изящным женским почерком:

«Вера».

Взяв листок, она вдруг почувствовала чей-то взгляд. Резко обернулась — в дверях стояла Эмма. Экономка не выглядела удивлённой. Скорее усталой.

— Вы слышали? — спросила Вера. — Кто-то играл.

— Никто не играл, — ровным голосом ответила Эмма. — В этом доме нет музыкантов. Уже много лет.

— Но я слышала.

— Дом старый, — Эмма пожала плечами с таким видом, будто объясняла ребёнку, что Деда Мороза не существует.
— Старые дома скрипят. Вы привыкнете.

Она подошла к роялю и с силой захлопнула крышку. Света погасла.

— Идите спать, Вера. Завтра трудный день.

Вернувшись в комнату, Вера долго смотрела на листок с её именем. Почерк был красивый, старомодный — с завитушками. Она сунула бумажку под подушку и всё же уснула.

А утром, открыв глаза, увидела на туалетном столике свежую алую розу и записку:

«Мария, ты вернулась. Добро пожаловать домой».

За завтраком Вера впервые увидела обитателей поместья в сборе.

Длинный стол в столовой был накрыт на шесть персон. Хрусталь, серебро, фарфор с вензелями Шаховских. Во главе стола сидел Захар Морозов — дядя Арсения, тот самый олигарх с криминальным прошлым. Ему было под шестьдесят, но он выглядел максимум на сорок пять: подтянутый, с хищным разрезом глаз и шрамом над бровью, который делал его лицо одновременно притягательным и пугающим.

Рядом с ним — жена, Полина. Лет сорока, с идеальной укладкой и бриллиантами даже в восемь утра. Она улыбалась Верой так широко, что становилось не по себе.

— А вот и наша гостья! — пропела Полина. — Арсений

нам столько о вас рассказывал! Мы так рады, так рады!

— Полина, оставь ребёнка в покое, — проворчал Захар, не отрываясь от телефона. — Дай хотя бы кофе выпить.

Марфа сидела напротив Веры и не проронила ни слова. Арсений представил её как «сестру, которая вечно всем недовольна». Марфа была красива той холодной, мраморной красотой, которая не греет, а отталкивает. Светлые волосы зачёсаны в гладкий пучок. Никакой косметики. Серое платье. И глаза — ледяные, с красноватыми прожилками от бессонницы.

— Вера, — сказала Марфа, не поздоровавшись. — Вы действительно очень похожи на нашу мать. Это странно.

— Марфа, — предостерегающе сказал Арсений.

— Что? Я просто констатирую факт. Та же линия скул, та же форма носа. У меня есть фотографии — можете посмотреть. Возможно, мы дальние родственники. Или вы специально выбрали такую внешность.

— Марфа! — рявкнул Захар.

— А что такого? — Марфа откинулась на спинку стула. — В нашем мире всё бывает. Люди меняют внешность ради денег. Люди притворяются кем-то другим. Люди...

— Доброе утро, — перебила её Эмма, внезапно появившись в дверях с подносом. — Кто будет овсяную кашу?

Напряжение разрядилось. Полина громко засмеялась. Захар что-то буркнул. Арсений положил руку на плечо Веры и прошептал:

— Не принимай близко к сердцу. Марфа всегда была... сложной.

После завтрака Вера отправилась в библиотеку — Арсений сказал, что там хороший свет для портрета. Библиотека оказалась двухэтажной, с галереей и лестницей, уходящей вверх. Пахло пылью, кожей и временем.

Вера разложила мольберт, достала кисти. Работать предстояло по фотографии — Арсений принёс увеличенную копию того самого снимка. Мария Шаховская улыбалась со стола, и Вера не могла отвести взгляд.

Она смешала краски. Небелёный умбр, охра, немного киновари для губ. И начала писать.

Через час в библиотеку кто-то вошёл. Вера подняла глаза — на пороге стояла Полина. Улыбка пропала. Теперь лицо у неё было серьёзное и даже злое.

— Вы знаете, зачем вы здесь? — спросила Полина без предисловий.

— Рисовать портрет, — ответила Вера.

— Глупости. Арсений привёз вас сюда, потому что вы похожи на Марию. Он хочет доказать, что вы — её дочь. Третий ребёнок, который якобы погиб в пожаре.

У Веры кисть выпала из рук.

— Что?

— О да, — Полина прошлась по комнате, касаясь корешков книг. — Никто не говорит вам всей правды, да? В ночь пожара у Марии была тройня. Двух детей спасли — Арсения

и Марфу. Третьего — девочку — считали погибшей. Но тела не нашли. Арсений много лет искал её. И вот нашёл... вас.

Вера помотала головой:

— Это бред. У меня есть бабушка. Я выросла в Подмосковье. Моя мать умерла, когда мне было три года.

— Ваша «мать»? — Полина горько усмехнулась. — А вы уверены, что она была вашей настоящей матерью? Вы никогда не замечали, что не похожи на неё? Никогда не спрашивали, почему нет ни одной детской фотографии?

Вера хотела возразить, но слова застряли в горле. Потому что Полина была права. Она действительно никогда не видела своих детских фотографий. Бабушка говорила: «Всё сгорело». Но что именно сгорело? Где? Когда?

— Я не верю вам, — выдохнула Вера.

— И правильно, — неожиданно легко согласилась Полина. — Я ещё та лгунья. Но это не значит, что я лгу сейчас. Знайте, Вера: если вы действительно та, за кого вас принимает Арсений, вам грозит большая опасность. Кое-кто очень не хочет, чтобы третий наследник объявился.

— Кто?

— Узнаете, — Полина направилась к двери. — Если доживёте.

Она ушла. А Вера осталась сидеть на полу библиотеки, глядя на портрет Марии, который только начинал оживать под её кистью.

«Всё сгорело».

Интересно, что именно сторело? И кто поджѐг?

Она встала, налила стакан воды из графина, но пить не стала. Вместо этого подошла к стеллажу, где стояли старые книги — в потрёпанных переплѐтах, с выцветшими корешками.

Их было много. Слишком много для обычной библиотеки. Вера провела пальцем по корешкам — и вдруг заметила один, который торчал чуть вперѐд. Она потянула за него. Книга не вынималась. Вера потянула сильнее — и стеллаж бесшумно отъехал в сторону.

За ним была маленькая комната без окон. Скамейка, письменный стол, свеча в подсвечнике. И стопка тетрадей.

Вера взяла верхнюю. На обложке было написано от руки: «Дневник. 1995 год».

Она открыла первую страницу.

«2 марта. Сегодня я узнала страшную вещь. У меня будут не двойняшки, как думали врачи, а тройняшки. Мария сказала мне это с глазами полными слѐз. Она боится. Боится, что муж узнает правду. Потому что один из детей — не его».

Вера перевернула страницу. Сердце колотилось так сильно, что звенело в ушах.

«Мария просила меня молчать. Я поклялась жизнью. Но она не знает, что моя жизнь уже ничего не стоит. Вчера я видела Захара, выходящего из её спальни на рассвете. Он целовал её. А она плакала. Я не знаю, от счастья или от

страха».

Дневник выпал из рук Веры. Она подняла его трясущими пальцами и продолжила читать, перескакивая через страницы.

«15 июня. Вера родилась первой. Потом Арсений. Потом Марфа. Мария попросила меня назвать девочку — она была без сознания. Я выбрала имя Вера. Потому что только вера и спасает в этом мире».

Вера — её собственное имя. В этом дневнике. Двадцать лет назад.

Она перелистнула к последней записи.

«14 августа 1996 года. Завтра ночью случится что-то ужасное. Мария сказала мне: «Забери Веру. Беги. Не оглядывайся. И никогда не возвращайся в этот дом». Я не понимаю, от чего она спасает ребёнка. Но я возьму девочку и уеду на поезде. Туда, где нас никто не найдёт».

Дальше шли пустые страницы.

Вера закрыла дневник. Она знала этот почерк. Это была не Мария.

Это был почерк её бабушки.

Она не помнила, как выбралась из тайной комнаты. Как привела стеллаж на место. Как поднялась к себе, заперлась и просидела до вечера, глядя в одну точку.

Всё, во что она верила, оказалось ложью. Бабушка не была её бабушкой. А может, и была — но дневник говорил, что та работала в этом доме, была доверенным лицом Марии.

Вера взяла телефон. Набрала номер бабушки. Бесполезно — бабушка была в больнице, после инсульта она почти не говорила.

— Что мне делать? — прошептала Вера в пустоту.

Ответа не было.

Но в дверь постучали. Три коротких стука.

— Войдите, — сказала Вера.

Это была Эмма. Экономка держала в руках поднос с ужином — суп, хлеб, чай.

— Вы не спустились к обеду, — сказала Эмма без укора, просто констатируя факт. — Я подумала, вам нужно поесть.

— Спасибо, — Вера взяла поднос. — Эмма, можно вас спросить?

— Спрашивайте.

— Вы знали мою бабушку?

Эмма замерла. Впервые за всё время её спокойное лицо дрогнуло.

— Какую бабушку?

— Ту, что вырастила меня. Она работала здесь. В 1996 году. Её звали...

— Антонина, — закончила за неё Эмма. — Антонина Ивановна. Горничная. Хорошая женщина. Исчезла в ночь пожара. Мы думали, она погибла.

— Она не погибла, — тихо сказала Вера. — Она вырастила меня. Я — та самая девочка, которую она вынесла из огня.

Эмма медленно опустилась на стул. Её руки дрожали.

— Я знала, — прошептала она. — Я знала, глядя на вас. Когда вы вошли в этот дом — я поняла. Потому что вы — копия Марии. Точь-в-точь, как тогда...

— Почему вы молчали?

— Потому что, если бы я сказала, вас бы убили, — Эмма схватила Веру за руку. Её пальцы были холодными и цепкими. — В этом доме есть тот, кто не остановится ни перед чем, чтобы вы не получили наследство. Тот, кто устроил пожар. Тот, кто хотел убить вас, когда вы были младенцем.

— Кто? — выдохнула Вера.

Эмма открыла рот, чтобы ответить — и в этот момент за окном раздался оглушительный хлопок. Стекло разлетелось вдребезги. Пуля пробила стену в каком-то сантиметре от головы Веры.

— Ложись! — закричала Эмма и повалила девочку на пол.

В комнате запахло гарью. Где-то внизу завывала сигнализация. Послышались крики, топот.

Вера лежала на паркете, прижимаясь к холодному полу, и думала:

«Добро пожаловать в Берёзовую Бухту. Здесь не умирают. Здесь просто делают вид».

Она не знала тогда, что это был только первый выстрел. И далеко не последний.

Глава 3. Пожар 96-го

Пуля пробила стену в каком-то сантиметре от головы Ве-

ры.

Эмма повалила её на пол и накрыла своим телом. В коридоре раздался топот — кто-то бежал по лестнице, кричал, ругался. Где-то внизу завывала сигнализация, и этот звук резал уши, как нож по стеклу.

— Не двигайся, — прошипела Эмма. — Дыши.

Вера лежала на холодном паркете, прижимаясь щекой к половице. Сердце колотилось где-то в горле. Она слышала, как за окном хрустят ветки — стрелок уходил через кусты. Потом хлопнула дверь автомобиля. Потом тишина. Только ветер гулял по разбитому стеклу, и шторы надувались белыми призраками.

— Вставай, — сказала Эмма, поднимаясь первой. — Быстро. Идём.

Она схватила Веру за руку и потащила в коридор. Там уже было полно народу. Арсений в одних брюках, с голым торсом и с бейсбольной битой в руке.

— Вы целы? — крикнул он, оглядывая Веру с ног до головы. — Кровь? Рана?

— Я в порядке, — выдохнула Вера. Только сейчас она заметила, что её колотит крупной дрожью. — Кто это был?

— Узнаем, — Арсений сжал биту так, что побелели костяшки. — Захар уже вызвал охрану. И полицию.

— Полицию? — переспросила Вера.

— У нас свои порядки в Бухте, — сухо сказала Марфа, появившаяся в дверях. Она была в длинной чёрной сорочке

и выглядела так, будто её разбудили пять минут назад. Или будто она не спала вовсе. — Полиция приедет через час. Ничего не найдёт. Как всегда.

Она посмотрела на Веру с каким-то странным выражением — вроде бы безразличным, но, если приглядеться, в глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Марфа, иди к себе, — приказал Арсений.

— Не указывай мне, — огрызнулась она, но послушалась.

Через полчаса особняк оцепили. Приехали двое полицейских — хмурые, неразговорчивые, чем-то похожие на хорьков. Они осмотрели комнату Веры, изъяли пулю, опросили всех и уехали. Обещали «принять меры». Вера знала, что это ничего не значит.

Захар Морозов распорядился переселить её в другую комнату — в западное крыло, подальше от окон, выходящих в сад.

— Там безопаснее, — сказал он. — Окна выходят во внутренний двор. С той стороны не подобраться.

— Спасибо, — Вера посмотрела на него. Захар ответил тяжёлым, непроницаемым взглядом. Он знал больше, чем говорил. Вера это чувствовала.

Она не спала до утра.

На следующий день Арсений пришёл к ней сам. Без биты, без охраны. Просто сел на край кровати и долго молчал.

— Ты вправе уехать, — наконец сказал он. Впервые он сказал «ты», а не «вы». — Я найму охрану, довезу до вокза-

ла. Заплачу за работу, даже если портрет не закончишь.

— Я не уеду, — ответила Вера.

— Почему?

Она подумала. О дневнике. О бабушке. О том, кто стрелял в неё прошлой ночью.

— Потому что здесь правда, — тихо сказала она. — Вся моя жизнь была ложью. Я хочу знать, кто я.

Арсений кивнул, будто ожидал этого ответа.

— Тогда поехали, — сказал он. — Я покажу тебе кое-что.

Они вышли из дома через чёрный ход. Арсений вёл Веру через сад, мимо высохшего фонтана, мимо заброшенной беседки, увитой плющом. Сосны здесь росли так густо, что дневной свет едва пробивался сквозь кроны.

— Куда мы идём? — спросила Вера.

— К тому месту, где всё началось, — ответил Арсений.

Они вышли на поляну. Здесь рос один-единственный дуб — старый, огромный, с корнями, уходящими в землю, как щупальца. А вокруг дуба — ничего. Выжженная земля. Чёрная, без единой травинки.

— Это всё, что осталось от старого дома, — сказал Арсений. — Того, что сгорел в 96-м. Новый особняк построили в двухстах метрах. А эту поляну так и не застраивали. Потому что никто не хотел здесь строить.

— Почему?

— Потому что здесь до сих пор пахнет гарью, — Арсений опустил на колени и провёл рукой по чёрной земле. — Вот

смотри. Попробуй.

Вера присела рядом. Понюхала. Ничего. Обычная земля. Потом — ветер переменялся — и её ударил запах. Горелое дерево. Расплавленный пластик. Что-то сладкое, тошнотворное.

— Что это? — прошептала она.

— Это то, что осталось от людей, — глухо сказал Арсений. — Тела так и не нашли. Сгорели дотла. Или... не сгорели. Мы не знаем. Мать исчезла. Её горничная исчезла. Один из рабочих исчез. И ты исчезла — если верить тому, что ты та самая девочка.

Вера молчала.

— Расскажи мне, — попросила она. — Всё. С самого начала.

Арсений сел под дуб, прислонившись спиной к корявому стволу. Вера села рядом.

И он рассказал.

— Лето 1996 года. Мне было три месяца, так что я ничего не помню. Но я много раз слышал эту историю от Захара. От Полины. От старых слуг, которых уже нет в живых.

Мать — Мария — была красавицей. Все это знали. Отец — Андрей Шаховской — был богат, ревнив и жесток. Он женился на ней по расчёту, но влюбился по-настоящему. А она его не любила. Никогда.

Она полюбила другого. Захара Морозова. Да, того самого, который сейчас наш дядя. Тогда он был не олигархом, а

молодым бандитом. Другом отца. Тем, кому доверяли.

Когда Мария забеременела, она не знала, кто отец. Могла быть двойня — один ребёнок от мужа, другой от любовника. А оказалась тройня. И тут уже нельзя было списать на случайность. Отец понял, что его жена спала с его лучшим другом. И взбесился.

Он запер Марию в доме. Не выпускал никуда. Детей отобрал — нас держали в детской под присмотром нянек. Мать видела нас только раз в день — и то под надзором.

Горничная — твоя бабушка, Антонина — помогала ей. Передавала записки Захару. Организовывала тайные встречи. Мать хотела сбежать. Вместе с нами, вместе с Захаром. У них был план.

Но кто-то узнал о плане.

В ночь на 15 августа в доме случился пожар. Горело так, что небу стало жарко. Захар успел вытащить из огня двух детей — меня и Марфу. Третью — девочку — вынес кто-то другой. Мы думали, что это была Антонина. Она исчезла. Как и Мария.

Тела не нашли. Ни одного.

Отец... Андрей Шаховской... Он погиб в том пожаре. Официальная версия: замыкание проводки. Но Захар всегда говорил, что это был поджог. Кто-то поджёг дом, чтобы уничтожить всех — и Марию, и детей, и Антонину.

И этот кто-то до сих пор жив.

Арсений замолчал. Вера смотрела на чёрную землю и чув-

ствовала, как слёзы подступают к горлу.

— Почему ты ищешь третьего ребёнка? — спросила она.
— Спусти столько лет?

— Потому что она — единственная, кто может рассказать правду, — Арсений повернулся к Вере. — Если она выжила — а ты выжила — то, может быть, она помнит что-то. Или у неё есть что-то. Документы. Фотографии. Что угодно.

— Я ничего не помню, — покачала головой Вера. — Бабушка никогда не говорила мне правду. Зачем она молчала?

— Потому что боялась, — просто сказал Арсений. — Тот, кто устроил пожар, до сих пор не наказан. И он не остановится.

Он встал, отряхнул брюки.

— Вчера стреляли в тебя, Вера. Это значит, что он знает. Кто-то опознал тебя. И хочет убрать, как тогда.

— Кто? — Вера тоже встала. — Скажи имя.

Арсений посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не знаю. Но это кто-то из этого дома. Кто-то, кого мы считаем своим.

Они вернулись в особняк к обеду. Вера прошла в библиотеку — хотела ещё раз перечитать дневник бабушки. Но дневника на месте не было.

Она перерыла тайную комнату. Стеллаж. Полки.

Ничего.

Дневник исчез.

Вера выбежала в коридор и столкнулась с Полиной.

— Что-то потеряли? — спросила та с приторной улыбкой.

— Дневник, — Вера не стала скрывать. — Где он?

— Понятия не имею, о чём вы, — Полина пожалала плечами. — Но если кто-то и мог его взять, то это Марфа. Она обожает копаться в чужих вещах.

Вера направилась к комнате Марфы. Постучала. Никто не ответил. Она толкнула дверь — та оказалась не заперта.

Комната Марфы была идеально чистой. Белые стены, белое постельное бельё, никаких лишних вещей. Только на столе — старый фотоальбом. Вера открыла его.

Фотографии Марии. Много. Молодая, красивая, на одной из них — беременная, с рукой на животе. На другой — с младенцами: Арсений, Марфа и.. девочка без имени.

На последней странице — газетная вырезка. «Трагедия в Берёзовой Бухте: пожар унёс жизни трёх человек. Тела не найдены».

Крупным планом — лицо Захара Морозова. Он стоял у горящих ворот и смотрел прямо в объектив.

Смотрел так, будто знал, что это только начало.

Вера закрыла альбом. И вдруг услышала шаги за спиной.

— Что ты здесь делаешь?

Марфа стояла в дверях. Бледная, с горящими глазами.

— Мой дневник пропал, — сказала Вера. — Где он?

— Откуда мне знать, — усмехнулась Марфа. — Может, его забрал тот, кто в тебя стрелял. Хочешь совет? Уезжай, пока жива.

Вера сделала шаг к ней.

— Ты знаешь, кто это. Скажи мне.

Марфа долго смотрела на неё. Потом прошептала:

— Захар.

— Что?

— Это Захар, — повторила Марфа. — Он поджёт дом в 96-м. Он хотел убить мать и детей. Он хотел наследство. И теперь он хочет убить тебя.

Она закрыла дверь и щёлкнула замком.

— Теперь ты знаешь правду. Поздравляю.

И ушла.

А Вера осталась стоять в белой, стерильной комнате и сжимать в руках фотоальбом с лицом человека, который дал ей кров, ужинал с ней за одним столом и предлагал безопасную комнату.

«Если это правда... — подумала она. — Если Захар — убийца... значит, я сейчас в доме маньяка. И выхода нет».

За окном сгущались сумерки.

В Берёзовой Бухте начиналась вторая ночь Веры.

Глава 4. Знакомство с Луной

Вера не поверила Марфе.

Не потому, что Марфа казалась честной — скорее наоборот. Слишком легко она назвала имя Захара. Слишком быстро. Словно ждала этого момента. Словно хотела, чтобы Вера побежала к Арсению и рассказала всё.

«Если Захар — убийца, — думала Вера, бродя по коридорам особняка, — то почему он не убил меня в первую же ночь? Зачем дал безопасную комнату? Зачем вообще впустил в дом?»

Вопросов было больше, чем ответов. И один из них мучил сильнее всех: *кто стрелял в неё из сада?*

Вера пошла к Арсению, но дверь его спальни была закрыта. Из-за двери доносились приглушённые голоса — Арсений с кем-то спорил. Голос был женским, но не Марфы и не Полины. Чей-то третий, низкий, с хрипотцой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.